

Нарратив в исследовании идентичности

Кутковая Екатерина Сергеевна

Аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия.

Abstract

В статье рассматривается понятие нарратива в применении к исследованию идентичности в социальной психологии. Ставится проблема отсутствия единства в понимании и применении этого понятия в исследованиях и делается попытка систематизации подходов к пониманию нарратива с точки зрения такого предмета исследования как идентичность. Нарратив – это понятие, которое начинают широко использовать различные психологи при исследовании личности, самовосприятия, способов коммуникации, при исследовании различных социальных практик и мотивов занятия этими практиками. Рассматриваются подходы к пониманию нарратива: нарратив как особый модус мышления (концепция Дж. Брунера), нарратив как метатеоретическая парадигма (концепция Т. Сарбина), нарратив как жизненная история, нарратив как структурное образование. Анализируются особенности понимания нарратива в каждом подходе, а также проблематика исследований. Выделяются признаки нарративности и критерии нарратива: во-первых, особая темпоральная структура, разворачивание нарратива во времени, а во-вторых, трансформация знаний, героя, автора, то есть изменения, достигнутые в нарративе. Ставится вопрос о единице нарратива. Рассматриваются особенности понимания нарратива в психологии, в частности дискурсивное понимание нарратива, взаимосвязь нарративов с социальным и культурным контекстом, а также функциональный подход к определению нарратива. Обсуждается потенциал нарратива как психологического конструкта в исследовании идентичности и два новых актуальных направления в методологии нарративного подхода, дополняющих наиболее традиционный подход анализа больших автобиографических нарративов. Во-первых, это анализ отдельных жизненных эпизодов (например, поворотных точек), а во-вторых, это анализ наррации, как особой дискурсивной практики, обусловленной как локальным контекстом, так и более широкими социальными нормами.

Keywords: идентичность, нарративный подход, нарративная идентичность

Нарративный подход к идентичности, исследования так называемой «нарративной идентичности», а также использование нарративного анализа и метода нарративного интервью в последнее время стали популярными направлениями в социальной психологии (Краснова, 2014; Турушева, 2014; Войскунский и др., 2013). Особенности нарративного подхода, привлекающие исследователей, это, прежде всего, интерес к смысловому содержанию, к человеческому опыту и способам его конструирования, использование актуальных идей социального конструкционизма и постмодернизма, а также использование качественной методологии. Разнообразие определений нарратива приводит к методологическим проблемам и разногласиям в исследованиях, авторы которых относят себя к нарративному направлению или используют понятие нарратива. Если использование идей нарративного подхода на теоретическом уровне методологии, как правило, подкрепляется соответствующими обоснованиями, то на методическом уровне понятие нарратива зачастую отождествляется с любыми данными, полученными в ходе качественного интервью, анализ нарративов используется как синоним приемов аналитической работы с подобными данными.

Многообразие смыслов, которые придаются понятию нарратива и смежным понятиям (используются такие понятия как нарративный подход, нарративная парадигма, нарративный принцип, нарративный метод, нарративный анализ, нарративное интервью), говорит об отсутствии единства в понимании и применении этого понятия на практике. Говоря о практике, мы подразумеваем исследовательскую работу, не касаясь целого большого направления практической психологии и консультирования, использующего нарратив как метафору для практической работы (White, Epston, 1990). Данная статья является попыткой систематизации подходов к понятию нарратива с точки зрения такого предмета исследования как идентичность. Мы рассмотрим, какие теории идентичности используют понятие нарратива, и какого рода исследовательские проблемы оно позволяет разрешать.

Понятие нарратива все более активно используется в психологических исследованиях, однако необходима еще большая работа, чтобы осмыслить потенциал этого понятия именно для психологии. Нарративный подход представляет собой междисциплинарную область знания, которая начала свое развитие в лингвистике, философии, социологии и историог-

рафии и только относительно недавно стала использоваться в психологических исследованиях и практике. В частности, некоторые исследователи рассматривают нарратив как важный конструкт, который позволяет человеку структурировать свое понимание себя и свой жизненный опыт (De Fina, 2003), другие используют нарратив для понимания того, как субъекты выстраивают коммуникацию (Брокмейер, Харре, 2000) и пр. В связи с этим необходим учет особенностей понимания нарратива в смежных областях и выделение тех характеристик, которые наиболее важны для исследований в психологии.

Категория нарратива привлекает внимание представителей гуманитарного знания уже на протяжении довольно продолжительного периода времени (с 70-80-х годов 20 в.), о чем свидетельствует большое количество монографий, а также программных и методологических статей, осмысляющих понятие нарратива в лингвистике (Labov, Waletzky 1966; Propp, 1968), философии (Бурдье, 2002; Bourdieu, 1986), историографии (Уайт, 2002; Иггерс, 2001; Кукарцева, 2009), социологии (Рождественская, 2012; Троцук, 2006; Пузанова, Троцук, 2003), в гуманитарных науках в целом (Луков, Луков, 2004; Рустин, 2002).

В психологии также существуют попытки осмысления этого понятия как в русскоязычной, так и в иностранной литературе (Кадырова, 2012; Брокмейер, Харре, 2000; Gergen, Gergen, 1988; Сарбин, 2004).

Нарративный подход по своей сути связан с проблематикой идентичности, идеями о развитии личности и индивидуальности. В психологии базовые идеи, положившие начало развитию идей нарратива, выдвигали Дж. Брунер, Т. Сарбин, Л.С. Выготский и другие.

Основной вопрос, разрабатываемый приверженцами этого подхода, состоит в том, каким образом нарратив создает личность нарратора (и реципиента нарратива), и как с ней связаны структурные элементы нарратива.

В рамках данного подхода изучаются следующие проблемы: авторство нарратива, «реальность» и конструируемость нарратива, психологическая и историческая правда, статус нарративных структур в автобиографических структурах, монологичность и диалогичность нарратива, взаимоотношения между нарративной и другими формами идентичности, а также выделение шаблонов структурирования опыта, характерных для определенной культуры и анализ культурных нарративов (Bruner,

1990, 2002; Cohler, 1982; Cohler & Hammack, 2007; Gergen & Gergen, 1983; McAdams, 1985; МакАдамс, 2008).

В исследованиях идентичности можно выделить три основных направления развития нарративного подхода:

- нарративная психология (Т. Сарбин, Г. Олпорт, Дж. Брунер, К. Герген, А. Керби, Ч. Тейлор);
- конструкционистский подход (Герген, Сарбин);
- персонологический подход (МакАдамс).

Для понимания того, как понятие нарратива используется в современных социально-психологических исследованиях, следует рассмотреть, что же представляет собой нарратив. С самого начала использования понятие нарратива было неоднородным и весьма размытым.

Под нарративом понимают:

- одну из форм дискурса, образующую особый «нарративный» модус мышления (Bruner, 1986);
- общую метатеоретическую парадигму (Sarbin, 1986; Сарбин, 2004);
- жизненную историю как основу идентичности человека в модернистском обществе (McAdams, 1985);
- схему организации опыта (Labov, Waletzky, 1966), определенным образом структурированную;
- любое письменное или устное повествование;
- повествование о конкретном эпизоде, событии в жизни человека (один из жанров дискурса).

Нарратив как особый модус мышления. Идентичность как нарратив в концепция Дж. Брунера

Джером Брунер - американский когнитивный психолог в середине 1980-х годов начал развивать идею о разделении двух типов мышления: нарративного и логико-научного (парадигматического).

Основная цель логико-научного (парадигмального) модуса - это построение формального, математизированного описания и объяснения, а его основные методы опираются на верификацию

утверждений и установление эмпирической истинности. Нарративный модус мышления тяготеет к созданию хороших и правдоподобных историй. Основными понятиями нарративного модуса являются намерения и действия, а также последствия, которые сопровождают развитие историй (Брунер, 2005).

Важным различием между двумя типами мышления являются используемые процедуры проверки верности утверждений. «И хорошая история, и хорошо сформулированные логические выражения являются естественными типами рассуждения, оба могут быть использованы для убеждения. Однако то, в чем они убеждают, имеет фундаментальные различия: логические аргументы убеждают в истинности, а истории - в их жизненном правдоподобии» (Брунер, 2005, С. 11).?

Дж. Брунер предположил, что понимание людьми намерений (нарративный модус) является необходимым свойством человеческого мышления, наряду с пониманием каузальных связей (парадигмальный модус).

Позднее идея о нарративном модусе мышления была развита им в теорию идентичности, опирающуюся на социальный конструкционизм и понятие нарратива (Bruner, 1986; 1990, Брунер, 2005). Жизнь, а вернее «повествование о своей жизни» представляет собой, согласно этой теории, интерпретацию, задача которой - создание собственного образа (Брунер, 2005). Нарратив при этом является фундаментальным способом описания собственной жизни, причем взаимоотношения между «жизнью» и нарративом реципрокны. Дж. Брунер предлагает рассматривать отношения между «жизнью» и результатом конструирования и интерпретации как процесс взаимного подражания: «нарратив имитирует жизнь, а жизнь имитирует нарратив» (Брунер, 2005, С. 11). Человек достигает самопонимания через нарратив, его истолкование, непрерывную само- интерпретацию, посредством которой выделяет в жизненном потоке определенные моменты, обладающие для него смыслом.

Нарратив понимается Дж. Брунером как основное культурное средство, «с помощью которого образуется и существует обыденное сознание, или "народная психология" (folk psychology), а также личность и Я» (Барский, Грицук, 2010, С. 163), в нарративе рассказчик «объективирует собственную субъективность» (Янков, 1997, С. 7; Троцук, 2006).

Важные характеристики нарратива, согласно Дж. Брунеру - это рефлексивность и культуроспецифичность. Автор нарратива,

рассказчик и его главный герой совпадают, что порождает неустойчивость автобиографии и невозможность ее верификации. Содержание и форма рассказа о себе при этом изменяется в зависимости от исторической эпохи и культурной среды, что порождает такую задачу исследования, как изучение исторического развития нарратива и его культурных особенностей. Анализ формы нарратива превалирует над анализом содержания, так как при изменении содержания, то, как нарратор конструирует себя, остается неизменным.

В плане эмпирических исследований нарративов Дж. Брунер интересуется шаблонами структурирования опыта, в частности, выстраивания автобиографий, используя в качестве отправной точки анализа пентаду К. Берка: действующее лицо (Agent), действие (Action), обстановка (Setting), средства (Instrument), цель (Goal). Брунер добавил к этому списку Трудность (Trouble) (Брунер, 2005).

Нарратив как метатеоретическая парадигма

Т. Сарбин выдвинул «нарративный принцип» психологии: «люди думают, воспринимают, воображают и совершают моральные выборы согласно нарративным структурам» (Сарбин, 2004, С. 13). Для осмысления поступков людей человек обращается к традиционным сюжетам, характерным для его культуры, с помощью которых можно объединить события жизни в единое целое. Эти сюжеты могут быть переданы в форме мифов, детских сказок или в любой иной вербальной или невербальной форме (Polkinghorne, 1988).

Сфера интересов нарративной психологии, исходя из идей этого направления, это то, как истории работают за пределами художественной литературы, то, каким образом они организуют сознание человека по законам художественного текста (Троцук, 2006).

Нарратив рассматривается как объяснительный принцип, отвечающий на вопрос о том, как организуется весь человеческий опыт, и представляющий собой путь к пониманию смысла социально обусловленной жизни индивида (Bruner, 1990; Polkinghorne, 1988; Thorne, 2004). Процесс создания истории, конструирования нарратива в исследованиях этого направления связывают с личностью и жизненным циклом развития в целом (Thorne, 2000).

Нарратив представляет собой повествовательную структуру, согласно которой люди действуют, говорят, совершают моральные выборы (Сарбин, 2004). С помощью нарратива индивидуальный опыт упорядочивается в целостные смысловые структуры, идентичность конструируется вокруг «истории» или «рассказа» о своем Я. Нарративы, согласно Т. Сарбину, позволяют осмысливать поступки, интегрировать события жизни в единое целое (Барский, Грицук, 2010).

Основная идея этого направления заключается в том, что смыслы, конструируемые человеком в течение жизни в той или иной социальной и культурной среде, фиксируются и воплощаются именно в нарративе. Акцент на процессе создания значений помогает «очеловечить» психологическую науку, через рассмотрение процесса создания значений мы приходим к пониманию того, как человек осмысляет жизненный опыт.

Исследования, которые опираются на такое понимание нарратива, изучают, каким образом при создании нарратива происходит реконструкция собственного опыта с целью формирования более согласованной истории и презентации более приемлемой идентичности. Примером могут служить исследования самообмана, а также исследования морального выбора и морального поведения (Сарбин, 2004).

Нарратив как жизненная история

Изучение жизненных историй началось в антропологии XIX в. с использования индуктивных обобщений типичных историй жизни. В этом направлении нарративного подхода развитие человеческого потенциала характеризуется выстраиванием личного нарратива на протяжении всей жизни, предполагается, что этот процесс обеспечивает смыслы и выполняет функцию интеграции жизненного опыта человека (Cohler, 1982).

Идея о том, что идентичность имеет нарративную организацию, прослеживается в психологии, начиная с появления первой полноценной теории идентичности - теории Э. Эриксона (Erikson 1959, 1968; Lazlo, 2008). Идентичность в ней понимается не только как переживание единства самости, но и как постоянно реконструируемая биография, что подчеркивает ее нарративное устройство. С другой стороны, идеи о возможности изучения идентичности через автобиографии имеют корни в антропологии, где изучение жизненных историй началось в 30-е годы XIX в. с использования индуктивных

обобщений типичных историй жизни (Lazlo, 2008). Жизненным историям, биографиям приписывалась симптоматическая ценность с точки зрения развития и целостности личности.

Именно благодаря нарративной организации идентичности, по мнению ряда авторов (Брунер, 2005; Макадамс, 2008; Рикёр, 2000) обеспечиваются те ее аспекты, которые связываются с непрерывностью собственного бытия во времени, упорядоченностью и целостностью опыта. За счет выстраивания личного нарратива жизненный путь достигает своей согласованности и преемственности в социальном, культурном и историческом времени (Cohler, 1982).

Понятие идентичности как нарратива предоставляет возможность для осмысления себя в эпоху постмодернизма, которая предполагает идеи множественности или «мультифрении» («multiphrenia») (Gergen, 1991)», благодаря внесению стабильности и целостного понимания идентичности. За счет выстраивания целостной и согласованной истории индивид получает возможность справляться с большим количеством информации и конкурирующими дискурсами, которые в условиях глобализации предлагают разнообразные возможные жизненные сценарии.

Однако эта же черта может трактоваться и как регрессия к модернистским эпистемологическим стандартам. В этом случае идеи нарратива как идентичности сводятся к попыткам материализовать представление о себе, а сам нарратив видится как некая структура, регулирующая развитие человека и его сознание.

Основная черта идентичности как нарратива в данном подходе - это целостность истории. При этом связь между нарративом и идентичностью наиболее явная. На уровне исследований часто происходит отождествление истории и идентичности, когда на основе характеристик истории делаются выводы об идентичности конкретного человека. Поэтому актуальным становится вопрос о методологии исследования и связи «аудитории» и контекста наррации с итоговой историей, а также потенциальной множественностью вариантов истории. В нарративном интервью жизненная история конструируется «здесь-и-сейчас», то есть представляет собой новообразование, достигнутое в ходе интервью.

Прямое отождествление идентичности и нарратива - это не единственный вариант установления связи между жизненной историей и нарративом. Ряд исследователей понимают нарратив

как инструмент рефлексии - способ осмысления опыта, либо как результат формирования идентичности (Bamberg, 2011). Исследования в этом направлении относятся к так называемым автобиографическим исследованиям или «большим» нарративам. Ключевой вопрос - как посредством нарратива мы создаем то, что называем своей жизнью.

Нарратив как структурное образование. Особый жанр дискурса.

Нарративный анализ в социологии и лингвистике часто называют «сюжетным» анализом, в его основе лежит структурное понимание текста, принципы которого были выдвинуты в начале XX века. Изучением историй и нарратива традиционно занималась специализированная ветвь лингвистики - структуралистская нарратология. Исследование нарративов включало анализ типичных историй, их структуры, описание отдельных элементов. Через структурные элементы нарратив ограничивался от других жанров дискурса: рассуждения, описания и пр.

В. Лабов сформулировал принципы структурного анализа нарратива. В классической работе его и Дж. Валецки (Labov, Waletzky, 1966) предлагался следующий список элементов сформированного нарратива:

- тезис (краткое изложение, резюме нарратива);
- ориентация (время, место, ситуация, действующие лица);
- последовательность событий (включающая осложняющие действия, составляющие основу истории);
- оценка (значимость и смысл действия, отношение рассказчика к этому действию);
- резолюция (что получилось в конце);
- кода (в которой рассказчик возвращается в настоящее время).

И хотя эта классическая модель подвергалась критике за отсутствие попыток анализа внешнего по отношению к нарративу контекста и его роли в формировании истории, она остается популярной у исследователей. Эта модель позволяет определенно охарактеризовать анализируемый фрагмент текста как нарратив и содержит в себе руководство по определению

функций высказываний для анализа убеждений и установок в истории (De Fina, 2003).

Труд В.Я. Проппа «Морфология народной сказки» (Propp, 1968) стал одним из классических трудов структуралистского нарративного направления. Нарратив здесь понимался как история, репрезентирующая события прошлого.

Таким образом, нарратив определяется через образующие его элементы. Конструкция нарратива описывается с помощью элементов, которые, последовательно соединяясь между собой, образовывали связную историю. Помимо элементов нарратива, развертывающихся во времени и представляющих собой его смысловые части, выделяются также его структурные компоненты, такие как сюжет, герои, временные рамки, пространственные рамки, события. Анализироваться могут также и характеристики рассказчика и аудитории (реальной или воображаемой), которая так или иначе оценивает и «подтверждает» нарратив. Базовые элементы, составляющие основу анализа - это действия персонажа и его функции (Евстигнеева, Оберемко, 2007).

Социальные действия не просто используются героями для связи сюжета, но и представляют собой межличностные, психологические функции, важные для развития личности нарратора (Lazlo, 2008). Важной характеристикой истории служит наличие героя, обладающего определенным намерением и целью (Брунер, 2004). Сюжет также может быть истолкован психологически, например сюжет оказания защиты и помощи в нарративе может быть интерпретирован как обеспечения базовых потребностей в защите и безопасности нарратора (были ли они обеспечены в детстве) (Lazlo, 2008).

Таким образом, сюжет и герои анализируются с помощью выделения определенных психологических функций и ролей. Исследования, использующие подобный метод психологической интерпретации содержания нарратива, имеют разнообразную тематику. Характерными примерами могут выступать исследования подростков-наркоманов (Peley, 2003) с выделением осей, структурирующих сюжет, таких как «доверие - недоверие», «беззащитность - обеспечение безопасности», а также исследования женщин с аутоиммунными заболеваниями (Lazlo, 2008), включающие анализ ролей, которые выполняли персонажи историй (например, поддерживающий, приносящий вред, человек, выходящий из жизни).

Кроме выделения структурных элементов исследователи характеризуют и общую форму нарратива - у него должны быть начало и конец, а также необходима определенная обстановка (Брунер, 2005).

Важным моментом в психологическом понимании нарратива является то, что истории характеризуются наличием «двойного ландшафта»: обстановка, действующие лица, цель, средства ее достижения и т.п. составляют «ландшафт действия» (landscape of action), а мысли, чувства, знания и другие переживания персонажей составляют «ландшафт сознания» (landscape of consciousness) (Bruner, 1987). События нарратива располагаются в определенном порядке, связанном с доминирующей культурной традицией (наиболее распространен линейный порядок).

Выделяются также характеристики «хорошего» нарратива. К. Герген предлагает ряд условий приемлемого нарратива. Он говорит о том, что хороший нарратив имеет определенный ценностно окрашенный конечный результат - цель, связующие элементы, причинно-следственные связи. Персонажи и объекты в «хорошем» нарративе должны создавать впечатление стабильности и сохранять свою «самотождественность» на протяжении всей истории (Gergen, 1998).

Э. Окс и Л. Капс предложили лингвистическое/антропологическое решение вопроса структуры нарратива. Список элементов повествования, предложенный ими, включает следующие пункты:

- обстановка (информация о времени, месте нахождения);
- неожиданное событие (что-то непредвиденное или проблематичное);
- психологические/физические реакции (изменения в эмоциональном или психологическом состоянии);
- незапланированные действия (непреднамеренное и нецеленаправленное поведение);
- попытка (поведение, инициирующее попытку решить проблемную ситуацию);
- последствия (последствия психологического или физиологического отклика) (Ochs E., Capps, 2001; Benwell, Stokoe, 2006).

Наличие «незапланированных действий», то есть нарушения нормального состояния вещей в списке обязательных элементов нарратива побудило ряд исследователей разделить нарративы на «истории» и «хроники» (De Fina, 2003). «История» (story) предполагает наличие хронологической структуры и включает, по крайней мере, одно неожиданное и незапланированное событие, нарушение социальных норм или привычного порядка, которое имеет определенную смысловую оценку, тогда как хроника (chronicle) - это нарратив, имеющий определенную цель, описывающий хронологически серию случаев, и то, как они проходили, но не несущий в себе определенной оценки. Хроника, таким образом, может включать описание ситуаций, которые происходят регулярно.

Разрозненность предлагаемых списков элементов и отсутствие единого критерия составляют одну из проблем подобного подхода к определению нарратива. Другая проблема состоит в возможной культурной специфичности предлагаемой схемы «универсального нарратива» и ее вырванности из контекста повествования.

Определение структуры нарратива с выявлением его необходимых элементов и фиксирование нарратива как отдельного жанра дискурса предполагает выделение особых признаков нарративности. Исследователи в области нарратологии (литературоведы, лингвисты, социологи, психологи, историки) предлагали разные варианты критерия нарратива.

Выделение критерия нарратива

Идея нарративного подхода о том, что идентичность имеет нарративную организацию или нарративную природу, или просто представляет собой нарратив, предполагает необходимость определения понятия нарратива. Для психологических исследований это важно, поскольку позволяет прояснить позицию исследователя относительно предполагаемой связи между нарративом и идентичностью, а также обозначить те функции, которые выполняет нарратив в конструировании, презентации и воспроизведении идентичности.

В качестве ограничивающих критериев разными исследователями предлагаются разные свойства нарратива.

Рассмотрим два наиболее распространенных варианта.

1. Особый временной порядок

Этот критерий предполагает, что нарратив отличается от других лингвистических форм особой временной структурой. Нарратив рассматривается как повествование - структурно заданный жанр, имеющий начало, конец, протагониста и события, расположенные в линейном порядке. Это свойство «протяженности во времени» называется авторами темпоральностью: темпоральность разворачивающейся истории, темпоральная структура излагаемой событийности (Шмид, 2008). При этом отмечается уникальность этой характеристики нарратива в ряду других, также свойственных нарративному жанру (Лехциер, 2013).

Представители структуралистской нарратологии ставят этот критерий в качестве базового при определении нарратива. В. Лабов определял нарратив как воспроизводство прошлого опыта (Labov, 1966), Э. Окс и Л. Капс охарактеризовали личный нарратив как «способ использования языка или другой символической системы для выстраивания жизненных событий в хронологическом и логическом порядке» (Ochs, Capps, 2001, С. 2).

Именно «темпоральность» зачастую подчеркивается как единственный конкретный критерий нарратива (De Fina, 2003) и формулируется как: «исключительная способность нарратива представлять темпоральную природу человеческого опыта и, таким образом, ухватывать непрерывное, но развивающееся Я» (Gone et al., 1999, P. 384).

С точки зрения Й. Брокмейера конструирование идентичности - это конструирование особого модуса времени (Brockmeier, 2001). Именно за счет включения в нарратив хронологически выстроенных событий, нарратив осуществляет функцию создания значений и интерпретаций. Нарратив связывает начало с концом с помощью сложной временной организации. В нем связываются воедино прошлое, настоящее, процесс их объединения, а также будущее, которое начинается в момент повествования. При этом нарратив предполагает ретроспективную телеологию (рассказ устроен таким образом, как если бы в конце предполагалась некоторая цель).

Дж. Брунер предложил схему нарратива (включающую акт наррации), которая основана на временной перспективе: «Нарратор, находящийся «здесь и сейчас», берет на себя задачу описать действия героя «там и тогда», героя, который при этом

носит его имя» (Bruner, 1991, P. 69). Критерий особого временного порядка связывается Дж. Брунером с критерием трансформации: «Он должен провести героя из прошлого в настоящее таким образом, чтобы герой и нарратор в определенный момент соединились и стали одним человеком с общим сознанием. Для того, чтобы привести героя в точку, где он становится нарратором, нужна теория роста или, по крайней мере, трансформации» (там же, P. 69).

Исследователь в области нарратологии Дж. Принс предлагает определение нарратива также основанное на этом критерии: «Нарратив - это представление во временной последовательности нескольких реальных или вымышленных событий. Нарратив может быть рассмотрен как один из главных способов организации переживания времени субъектом, поскольку повествование всегда контролируется понятием времени, и все события в рассказе выстраиваются в строгой временной последовательности» (Prince, 1982, P. 185).

2. Идея о трансформации, изменении в ходе нарратива

Второй критерий предполагает, что в ходе нарратива обязательно должны быть достигнуты определенные изменения. Нарратив противопоставляется описанию: «В описательных текстах излагаются статические состояния, рисуются картины, даются портреты, <...> Описательные тексты изображают, как правило, лишь одно состояние» (Шмид, 2008, С. 18). Однако рассматривается не только связь состояний и событий внутри повествования, но и необходимая связь между содержанием нарратива и ситуацией наррации.

В нарратологии (лингвистике) предлагается идея рассмотрения нарратива как смыслового диалога двух моментов - содержания нарратива и события наррации (Тюпа, 2002).

В историографии нарративные предложения «содержат ссылку, по крайней мере, на два разделенных во времени события, хотя описывают только более раннее из этих событий <...> решающей оказывается двоякая событийность нарратива» (Тюпа, 2002, С. 6), то есть происходит сопряжение события, излагаемого в рассказе, с событием самого рассказа. Второе событие состоит в толковании первого, за ними угадываются фигуры двух субъектов (автора и героя), находящихся в диалогических отношениях.

Событийная канва повествования должна отражать нарушение первоначального состояния равновесия, изменение ситуации качественно или просто во времени, т.е. элементы нарратива должны быть связаны не только временными, но и трансформационными отношениями (Троцук, 2006). Этот критерий может быть назван критерием событийности, когда важна «проблемность» нарратива - центральным в структуре сюжета является событие, нарушающее привычный ход вещей.

В психологии также делается акцент на трансформации как необходимом и достаточном критерии нарратива. Нарративный тип интерпретации рассматривается в качестве одного из возможных способов организации знания субъектом, который предполагает особые правила структурирования событий и способы конструирования реальности. «Нарративными в подлинном смысле слова являются тексты, в которых излагается некое изменение состояния» (Знаков, 2010, С. 116). Такое понимание нарратива подчеркивает его роль в формировании идентичности (если рассматривать нарратив как средство, «психотехнику» ее формирования) - осмысление и оценку нового опыта, интеграцию изменений в идентичность, а также делает акцент на динамике содержания нарратива и ситуации наррации.

С определением критерия нарратива как жанра тесно связан вопрос о «единице» нарратива. Что может выступать в качестве минимальной единицы нарратива? В лингвистике, социологии, историографии в качестве объекта для нарративного анализа используются самые разные единицы: предложения, тексты, корпусы текстов (в историографии). При этом из лингвистических и историографических критериев нарратива следует, что сфера приложения понятия нарратива не ограничивается языковыми текстами: «нарративными могут предстать и скульптура (в классическом случае Лаокоона), и даже музыка (оперная или балетная), ибо нарратив не есть само повествование (т.е. композиционная форма текста, отличная от описаний, рассуждений или диалоговых реплик)» (Тюпа, 2002, С. 8).

Рассмотренные нами критерии помогают более полно оценить масштабность категории нарратива и многообразие в подходах, теоретических пониманиях и принципах анализа нарративов в разных дисциплинах. Это важно, поскольку в социальной психологии понятие нарратива зачастую используется по прямой аналогии с лингвистическими либо социологическими опре-

делениями. Однако в психологии есть и особое понимание нарратива.

Одним из наиболее важных направлений, осмысляющих роль понятия нарратива в психологии является дискурсивная психология.

Понятие нарратива в дискурсивной психологии

В дискурсивной психологии принимается особое, расширенное понятие нарратива. Й. Брокмейер и Р. Харре в основополагающей для психологического понимания нарратива статье «Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы» предлагают дискурсивное понимание нарратива (Брокмейер, Харре, 2000). Они акцентируют внимание на необходимости избегать рассмотрения нарратива как онтологической сущности. Нарратив рассматривается как самая общая категория, которая выражает ряд инструкций и норм, согласованных в культуре и используемых в практиках коммуникации, для «упорядочивания, придания смысла опытам, становления знания» (Брокмейер, Харре, 2000, С. 36).

Нарратив - это «имя некоторого ансамбля лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически, ограниченных уровнем мастерства каждого индивида и смесью его или ее социально-коммуникативных способностей» (Брокмейер, Харре, 2000, С. 30). Это определение снимает вопрос о культурной специфичности структурной модели нарратива, предполагающей линейный порядок и обязательное наличие определенных элементов, и позволяет рассматривать нарративы как интегральную часть человеческой культуры, включающей в себя ансамбль историй о самих себе. Однако оно значительно размывает границы нарратива и предлагает рассматривать нарратив как «различные формы, внутренне присущие процессам нашего познания, структурирования деятельности и упорядочивания опыта» (Брокмейер, Харре, 2000, С. 39).

В психологическом понимании нарратива предполагается его тесная связь с нормативной структурой взаимодействия и нормами культуры. Если нарратив представляет собой некоторый обобщенный и культурно установленный канон, то он должен быть создан исходя из некоторого набора норм-инструкций. Цель рассказывания историй - «организовать

собственный жизненный опыт в значимые эпизоды, соответствующие принятым в данной культуре модусам причинности и репрезентации» (Троцук, 2006, С. 16). Нарратив не является описанием реальности, он представляет собой «инструкцию» по ее определению и пониманию, средством, благодаря которому интерпретация определенных эпизодов вызывает их к существованию в качестве понятных в определенной культуре, осмысленных событий.

При этом «нарративы действуют как чрезвычайно изменчивые формы посредничества между личностными и обобщенными канонами культуры, т.е. являются одновременно моделями мира и моделями собственного «я» (Брокмейер, Харре, 2000, С. 38).

Расширение понятия нарратива в психологии, отсутствие единых критериев привело к идеям отказа от критериев выделения нарратива как такового. Структурные критерии отрицаются, делаются попытки выделения функциональных критериев. Так М. Баль постулировал, что, поскольку любой нарратив обладает многоголосой природой и неоднозначным смыслом (Турушева, 2014), то и нарративный текст может обладать самыми разнообразными структурами. В качестве определяющей предлагается способность нарратива улавливать интенции человеческих действий и придавать им смысл (Турушева, 2014).

Идеи о принципиальной «незавершенности» нарратива, о его развивающейся природе, многоголосности и диалогичности, берущие начало в идеях М. Бахтина, ставят новые вопросы перед исследователями нарративного направления. Каким образом следует трактовать изменчивость и структурную неопределенности нарратива? Монтажные, рваные нарративы, хаотические и противоречивые истории, которые все чаще приходят на смену логически верным нарративам, выстроенным по принципам классического романа - это признак постмодерна или проблем личности?

Выводы

Несмотря на разнообразие понимания места нарратива в психологической теории и практике, большая часть представителей нарративного подхода разделяет такие положения, как социально-конструкционистские представления о личности (Gergen, 1998), базовая философская метафора «контекстуализма» (Сарбин, 2004), а также интерес к narra-

тивам как к средствам конструирования индивидуального и социального опыта. Интерес представляют, прежде всего, механизмы, феномены и ситуации этого конструирования. Однако связь нарратива и идентичности рассматривается с разных сторон: в нарративе идентичность не только конструируется, но и презентуется (самоутверждение, самооправдание), и актуализируется (воспроизводится).

Исследование нарратива предполагает возможность изучения развития и трансформации идентичности во времени, подразумевая преемственность и связность Я, которые обеспечиваются нарративом. «Я понимается как обусловленное культурно-исторически и возникающее в процессе осуществления различных коммуникативных практик, в том числе, нарративных» (Турушева, 2014). В психологических исследованиях наиболее актуальными становятся вопросы о функциях нарративов, анализируется их связь с социальным и культурным контекстом. Интересным направлением исследования является исследование культурных нарративов (ведущих нарративов - «master- narratives»), их воспроизводства и изменения при построении личных нарративов. Акцент в исследованиях нарративного подхода ставится на анализе процессов интерпретации жизненного опыта и использования для этого ресурсов культуры, социальных представлений и норм.

Следует отметить, что в настоящее время развиваются два новых актуальных направления в методологии нарративного подхода, дополняющих наиболее традиционный подход анализа больших автобиографических нарративов.

Первый - это анализ отдельных жизненных эпизодов, который позволяет сместить акценты с плана сюжета на план переживания, сфокусироваться на изучаемых аспектах идентичности и избежать конвенциональности целостной истории жизни (McAdams, 2011). Данное направление делает актуальным изучение категории события (Кутковая, 2013) и перспектив ее использования в нарративном подходе.

Второе направление - это исследование процесса наррации как особой практики, с помощью которой идентичность меняется и артикулируется. Оно напрямую связано с дискурсивным подходом и делает акцент на контексте возникновения нарратива и на той роле, которую он выполняет в структуре взаимодействия, избегая сведения нарратива к содержанию истории. Повествование как вид деятельности может включать самые разные формы участия, отражая, таким образом,

властную структуру и структуру социальных взаимоотношений участников. Контекст повествования может определяться тем, является ли нарратив монологом или частью диалога, спонтанен он или вызван каким-либо образом извне, завершен или незакончен, рассказан ли он впервые, или повторно (De Fina, 2003). Это направление акцентирует подвижность, перформативность идентичности, ее культурно-историческую природу и принципиальную множественность (Bamberg, 2011).

Литература:

1. **Барский Ф.И.** «Интервью жизненной истории» Д. МакАдамса как метод исследования нарративной идентичности / Ф.И. Барский, А.Г. Грицук // Журнал практического психолога. - 2010. - № 5. - С. 158-204.
2. **Брокмейер Й., Харре Р.** Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. - 2000. - № 3. - С. 29-42.
3. **Брунер Дж.** Жизнь как нарратив / Дж. Брунер // Постнеклассическая психология. - 2005. - № 1(2). - С. 9-29.
4. **Бурдые П.** Биографическая иллюзия / П. Бурдые // ИНТЕР. - 2002. - № 1. - С. 75-83.
5. **Войскунский А. Е.** Альтернативная идентичность в социальных сетях / А.Е. Войскунский, А.С. Евдокименко, Н.Ю. Федунина // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. - 2013. - № 1. - С. 66-83.
6. **Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А.** Модели анализа нарратива / Н.В. Евстигнеева, О.А. Оберемко // Человек. Сообщество. Управление. - 2007. - № 4. - С. 95-107.
7. **Знаков В.В.** Тезаурусное и нарративное понимание событий как проблема психологии человеческого бытия / В.В. Знаков // Методология и история психологии. - 2010. - Т. 5. - № 3. - С. 105-119.
8. **Иггерс Г.** История между наукой и литературой: Размышления по поводу историографического подхода Хейдена Уайта / Г. Иггерс // Одиссей. Человек в истории. - Москва, 2001. - С. 140-154.
9. **Кадырова Р.Г.** Теория нарратива и нарративный анализ в психологии / Р.Г. Кадырова // Вектор науки ТГУ - 2012. - № 2(9). - С. 126-128.

10. **Краснова О.В.** Выход на пенсию и идентичность женщин // Психологические исследования. - 2014. - Т. 7. - № 35. - С. 6. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.10.2014).
11. **Кукарцева М.А.** Аналитическая философия истории: вчера и сегодня / М.А. Кукарцева // Полигнозис. - 2009. - № 3(36). - С. 62-71.
12. **Кутковая Е.С.** Дискурс-анализ эмоций и теория позиционирования в исследовании социального события // Психологические исследования. - 2014. - Т. 7. - № 34. - С. 6. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.10.2014).
13. **Лехциер В.Л.** Нарративный поворот и актуальность нарративного разума / В.Л. Лехциер // Международный журнал исследований культуры. - 2013. - № 1(10). - С. 5-8.
14. **Луков Вал. А.** Тезаурусный подход в гуманитарных науках / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков // Гуманитарные науки: теория и методология. - 2004. - № 1. - С. 93-100.
15. **Мельникова О.Т.** Дискурсивный подход к исследованию идентичности / О.Т. Мельникова Е.С. Кутковая // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. - 2014. - № 1. - С.59--72.
16. **Пузанова Ж.В. Троцук И.В.** Нарративный анализ: понятие или метафора? / Ж.В. Пузанова, И.В. Троцук // Социология: 4М. - 2003. - № 17. - С. 56-82.
17. **Рикёр П.** Время и рассказ / П. Рикёр. - Москва : ЦГНИИ ИНИОН РАН, 2000. - 313 с.
18. **Рождественская Е.Ю.** Биографический метод в социологии Е.Ю. Рождественская. - Москва : Издательский дом Высшей школы экономики. - 2012. - 381 с.
19. **Рустин М.** Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках/ М. Рустин // ИНТЕР. - 2002. - № 1. - С. 7-24.
20. **Сарбин Т.Р.** Нарратив как базовая метафора для психологии / Т.Р. Сарбин // Постнеклассическая психология. - 2004. - № 1. - С. 6-28.
21. **Троцук И.В.** Теория и практика нарративного анализа в социологии / Троцук. - Москва : Уникум-центр, 2006. - 207 с.

22. **Турушева Ю.Б.** Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности // Психологические исследования. - 2014. - Т. 7. - №33. - С. 6. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.03.2014).
23. **Тюпа В.** Очерк современной нарратологии / В. Тюпа // Критика и семиотика : сб. Вып. 5-й. - Новосибирск : НГУ, 2002. - С. 5-31.
24. **Уайт Х.** Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. - Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2002. - 528 с.
25. **Шмид В.** Нарратология / В. Шмидт. - Москва : Языки славянской культуры, 2008. - 304 с.
26. **Bamberg M.** Who am I? Narration and its contribution to self and identity // Theory & Psychology. - 2011. - Vol. 21(1). - P. 3-24.
27. **Benwell B., Stokoe E.** Discourse and Identity. - Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
28. **Brockmeier J.** From the end to the beginning: Retrospective teleology in autobiography // Brockmeier J., Carbaugh D.(Eds.) Narrative and Identity. Studies in Autobiography, Self and Culture. - Amsterdam: John Benjamins, 2001. - P. 247-280.
29. **Bruner J. S.** Actual minds, possible worlds. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.
30. **Bruner J. S.** Acts of meaning. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
31. **Bruner J.** Self-making and world-making // Journal of Aesthetic Education. - 1991. - Vol. 25(1). - P. 67-78.
32. **Cohler B. J.** Personal narrative and life course // Baltes P., Brim O.G. (Eds.) Life span development and behavior (Vol. 4). - New York: Academic Press, 1982. - P. 205-241.
33. **Cohler B. J., Hammack P. L.** The psychological world of the gay teenager: Social change, narrative, and "normality" // Journal of Youth and Adolescence. - 2007. - Vol. 36. - P. 47-59.
34. **De Fina A.** Identity in Narrative: A study of immigrant discourse. - Amsterdam: John Benjamins, 2003.
35. **Erikson E. H.** Identity and the life cycle. - New York: Norton, 1959.

36. **Erikson E. H.** Identity: Youth and crisis. - New York: Norton, 1968.
37. **Gergen K.J., Gergen M.M.** Narrative and self as relationship / / L. Berkowitz (Ed.) Advances in Experimental Social Psychology (Vol. 21). - San Diego, CA: Academic Press, 1988. - P. 17-56.
38. **Gergen K.J.** Narrative, Moral Identity and Historical Consciousness: a Social Constructionist Account, 1998. - URL : http://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/kenneth-gergen/Narrative_Moral_Identity_and_Historical_Consciousness.pdf
39. **Gergen K.J.** Self and Community in the New Floating Worlds // Nyiri K. (Ed.) Mobile democracy, essays on society, self and politics. - Vienna: Passagen, 2002. - P. 103-114.
40. **Gergen K.J.** The saturated self: Dilemmas of identity in contemporary life. - New York: Basic Books, 1991.
41. **Gone J.P., Miller P.J., Rappaport J.** Conceptual self as normatively oriented: the suitability of past personal narrative for the study of cultural identity // Culture and Psychology. - 1999. - Vol. 5(4). - P. 371-398.
42. **Labov W, Waletzky J.** Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Helm J. (Ed.) Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society. - Seattle: University of Washington Press, 1966. - P. 12-44.
43. **Laszlo J.** The Science of Stories: An Introduction to Narrative Psychology. - New York: Routledge, 2008.
44. **McAdams D. P.** Narrative identity // Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V. L. (Eds.) Handbook of Identity Theory and Research. - New York: Springer, 2011. - P. 99-115.
45. Power, intimacy, and the life story: Personological inquiries into identity. -Chicago: Dorsey Press, 1985.
46. **Ochs E., Capps L.** Living Narrative. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.
47. **Peley B.** Narrative psychological study of self and object representations with young deviant people // Laszlo J., Rogers W.S. (Eds.) Narrative Approaches to Social Psychology. - Budapest: New Mandate, 2002. - P. 125-147.
48. **Polkinghorne D.P.** Narrative knowing and the human sciences. - Albany: State University of New York Press, 1988.

49. **Propp V.** The Morphology of Folk Tales. - Austin, TX: University of Texas Press, 1968.
50. **Thorne A.** Personal memory telling and personality development // Personality and Social Psychology Review. - 2000. - Vol. 4(1). - P. 45-56.
51. **Thorne A.** Putting the person into social identity // Human Development. - 2004. - Vol. 47. - P. 361-365.
52. **White M., Epston D.** Narrative means to therapeutic ends. - New York: Norton, 1990.